

К ПОНИМАНИЮ «ЯЗЫКА АРХИТЕКТУРЫ» В КОММУНИКАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Блинова М.Ю., канд. арх., ассистент кафедры
«Дизайн архитектурной среды»

Харьковский государственный технический университет
строительства и архитектуры

Аннотация. Статья посвящена раскрытию проблематики «языка архитектуры» как выражения ее коммуникативного аспекта. Проанализировано смысловое содержание и специфика употребления данного понятия в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: язык архитектуры, текст, коммуникация, метафора.

Анотація. Блинова М. Ю. До розуміння «мови архітектури» в комунікативному дискурсі. Стаття присвячена розкриттю проблематики «мови архітектури» як вираженню її комунікативного аспекту. Проаналізовано зміст та специфіку використання даного поняття в професійній діяльності. **Ключові слова:** мова архітектури, текст, комунікація, метафора.

Annotation. Blinova M. Understanding the “language of architecture” in the communicative discourse. Article is devoted to disclosure problematic of the “language of architecture” as an expression of its communicative aspects. Analyzed the semantic content and the specifics of the use of this concept in professional activities.

Keywords: language of architecture, text, communication, metaphor.

Постановка проблемы. В связи с достижениями и стремительным развитием в середине XX века лингвистики и появлением такого направления как структурализм и позднее – семиотика, стало повсеместным толкование многих культурных явлений через призму «языка», и архитектура не исключение. В рамках этого направления произошло некоторое «методологическое примирение» двух полярных концепций, существовавших в истории архитектуры: одна из которых рассматривала «язык архитектуры» лишь как метафору, вторая утверждала язык в качестве основной категории опыта любой человеческой деятельности (и архитектуры в том числе). Именно, в рамках архитектурной семиотики произошло профессиональное осознание и развитие риторической метафоры «языка архитектуры» и онтологической концепции архитектуры как языка. Ведь архитектура есть искусство, а искусство, говоря словами Ю.М. Лотмана, есть «одно из средств коммуникации», т.к. «всякая система, служащая целям коммуникации между двумя или многими индивидами, может быть определена как язык» [1, с. 19].

Таким образом, если посмотреть глубже, то мы выходим на понимание «языка» как коммуникационной системы, пользующейся знаками, упорядоченными особым образом и именно в такой трактовке оно используется чаще всего применительно к архитектуре. И здесь мы сталкиваемся с тем, что с одной стороны метафорически это вполне понятно и уместно, а с научной стороны – не вполне осмыслено и структурировано. Коммуникативный аспект «языка архитектуры» остается как бы «между

строк» обсуждений проблем архитектурной формы, композиции, пропорции, масштаба даже с позиций господствующего ныне интерпретативного мышления. Исследуются самые разные проблемы, в которых определяются и интерпретируются коммуникативные смыслы архитектурных элементов как знаков и символов, но суть этой «языковой» коммуникации в архитектуре остается вне поля зрения теории. Таким образом, истинной проблемой, которая лежит в основании «языка архитектуры» является проблема коммуникации в архитектуре.

Анализ последних исследований и публикаций. Словосочетание «язык архитектуры» можно считать достаточно традиционным, его довольно часто можно встретить в текстах посвященных проблемам архитектуры. Многие авторы, пользующиеся большим авторитетом в профессиональной области, использовали эти слова в своих работах – это и «Язык и метод художественного проектирования» В.Л. Глазычева, и «Художественный язык архитектуры» А.В. Иконникова, и «Пластический язык архитектуры» А.А. Тица, и «Язык архитектуры постмодернизма» Ч. Дженкса и многие другие [2,3,4,5]. При этом вполне понятно, что некоторые авторы применяют понятие «язык» относительно архитектуры в большей степени метафорически (А.А. Тиц, В.Л. Глазычев), нежели категориально, имея ввиду представление о языке как средстве выражения и передачи информации. Такое употребление не носит характер научного, т.к. само понятие «язык архитектуры» ни в одной из работ этих авторов не раскрывается и не обсуждается, а подается как сама собой разумеющаяся метафора.

Наиболее полно вопрос о языке архитектуры ставится в монографии «Художественный язык архитектуры» А.В. Иконникова, где вводится и обосновывается понимание архитектуры через язык. Основанием для этого служит получившая к моменту написания книги широкое распространение интерпретация проблем культуры методами семиотики. Модель языка архитектуры у Иконникова рассматривается через оппозицию «форма – содержание»: «...материальные элементы и пространства архитектуры могут рассматриваться и как знаки, которые несут информацию, складывающуюся в сложное многогранное содержание. Система архитектурных форм, несущая смысловые значения, используется как средство коммуникации между людьми в процессе человеческой деятельности. Она отвечает тому общему определению языка, которое предлагает семиотика – наука о знаковых системах. ... Знаки архитектурной формы несут сигналы, ориентирующие в пространстве и служащие организации практической деятельности» [3, с. 10]. Так же в работе рассматривается возможность «прочтения» формы на основе различных кодов и получения из этого «прочтения» различной информации – о пространственной структуре, функциональном назначении, конструкции и технологии строительства и др. Наряду с этим автор выделяет особый слой значений, в котором конкретность формы слагается в единство

идейно-образного содержания, соответствующий понятию художественный язык архитектуры». Не смотря на относительность и спорность такой трактовки языка, автор указывает на одну из важнейших специфических особенностей художественного языка (в частности архитектурного) по отношению к языку естественному. Этой особенностью является наличие общих структурных закономерностей, которые образуют «понятный для всех слой, присутствующий в каждом художественном языке, слой выражения межнациональных культурных общностей, слой, несущий общечеловеческие ценности» [3, с. 12]. Такая общая основа коммуникации приобретает на сегодняшний день все большую актуальность ввиду активных процессов культурной глобализации и связанных с ними проблем. Применительно к архитектуре это, прежде всего проблемы утраты индивидуальности локальных образований и проблемы создания адекватной гуманистической модели глобальной коммуникации в архитектуре.

Достаточно конкретное и научное, хотя и спорное определение языка архитектуры можно найти в работе А.П. Мардера «Эстетика архитектуры». Он структурирует это понятие и предлагает три его содержательных аспекта: язык архитектурной науки, язык архитектурного изображения и язык архитектурных форм. Последний определяется как «способ передачи зрителю информации, заложенной архитектором в предметно-пространственную форму, способ содержательного восприятия архитектурной формы» [6, с. 129]. Однако автор четко указывает на условность такого понятия – «Понятие «язык архитектуры», применительно к сообщению (информации), которая считывается зрителем с архитектурной формы и переходит в архитектурный образ, может применяться только условно, как метафора» [6, с. 132].

Попытка рассмотрения способов архитектурной коммуникации на основании семиотики путем проведения аналогий с естественным языком была предпринята и Ч. Дженксом в его книге «Язык архитектуры постмодернизма». Однако автор, выделяя такие лингвистические категории как «метафора», «слова», «синтаксис», «семантика», интерпретирует их в рамках архитектуры метафорически, отдавая себе отчет в условности такой аналогии [5, с. 42].

Формирование цели статьи. Раскрытие проблематики понимания «языка архитектуры» как выражения ее коммуникативного аспекта. Определение смыслового содержания и специфики употребления данного понятия в профессиональной деятельности.

Результаты исследований. Аналогия между архитектурой и языком стала классической еще в эпоху Возрождения. Так исследователи Дж. Кларк и П. Кросли в своей книге «Архитектура и язык» сходятся во мнении, что, начиная с Витрувианского сравнения живописи и поэзии, в эпоху гуманистического Возрождения эта аналогия стала центральным принципом теории архитектуры. Поиск канона архитектуры был связан

с литературными канонами латыни, в частности классической латинской риторики, которые классифицировали, определяли, и задавали рамки художественному опыту. И классические ордера, и наборы правил их построения были разработаны теоретиками архитектуры Ренессанса как узнаваемая архитектурная грамматика и синтаксис. На этой классически безупречной основе аналогия архитектуры-языка во всех ее проявлениях вошла в основное течение Ренессанса и далее – истории архитектуры как теория проектирования и практический способ классификации знания. Индивидуальные стили мастеров архитектуры связывались с литературными стилями, архитектура сравнивалась с красноречием – как искусства оба обладающие полезностью (коммуникативной) и приятностью (эмоциональной силой). Эволюция архитектурных стилей приравнивалась к медленному развитию «естественного языка», характер архитектурной композиции сопоставлялся с лингвистическими конструкциями: элементы и части зданий как слова в предложении. Эта лингвистическая аналогия дала архитектуре теоретический каркас и словарь критики, а также в своей литературной (преимущественно латинской) референции способствовала повышению академической респектабельности самой архитектуры и профессии [7, с. 8].

Однако метафора архитектуры как языка используемая в переносном смысле не могла скрыть фундаментальной разницы между языковыми и визуальными формами. В дальнейшем теоретики 18-19 вв., в частности Г. Лессинг, подвергли критике эту аналогию и предложили понятие границ в искусстве. Именно Лессинг разработал ставшую классической модель различения нарративного (поэтического) и презентативного (визуального) способов выражения [8]. Основными моментами критики языкового подхода в архитектуре были (и остаются) следующие: архитектура не позволяет выражаться столь же точно и ясно как язык, и не имеет разнообразия национальных языков; архитектурные элементы в отличие от слова в речи не произвольны, а основаны на постоянстве законов бытия (физических и онтологических); внутренние качества архитектуры взаимосвязаны с техническими возможностями и эстетическими ценностями, а с подражательными «фонетическими» особенностями скульптуры и живописи.

Таким образом, выделились две крайние позиции, одна из которых предполагает язык в качестве основной категории опыта человеческой деятельности, другая же определяет каждую систему описаний и представлений о мире как генетически различный дискурс. Эти два подхода в отношении языка и архитектуры, в конечном счете, уперлись в вопрос грамматики. Ведь архитектурный знак воспринимается совершенно иначе, нежели слова в тексте, в отличие от вербальных текстов искусство не может построить дискретных линейных последовательностей несущих информацию. Архитектура как органическое единство воспринимается единым целым и невыразимо никаким другим способом кроме как через самое себя. А правила

построения архитектурной формы, основанные на законах физики и работе материала (тектоника), начиная с XX века все меньше являются «правилами», т.к. современные материалы и способы строительства снимают практически все ограничения (исключая разве что закон гравитации).

Эти две крайние позиции нашли свое развитие и некоторое примирение в XX веке в исследованиях структурной лингвистики и семиотики, в которых язык представлялся моделью для всех символических систем, не исключая и архитектуру. Если любая человеческая деятельность является выразительной, и все способы ее выражения (вербальные и визуальные) определены особой структурой сознания, структурой в основном языковой, то архитектура наряду с другими визуальными искусствами тоже текстуальна. Такой подход к архитектуре нашел наиболее широкое распространение в архитектурной семиотике, которая с 1960-х годов и по сей день демонстрирует множество различных, часто не связанных между собой подходов к имплантированию и адаптации общенаучного семиотического метода к нуждам теории архитектуры. Так, У. Эко в своих работах 60–70-х годов приходит к выводу, что семиотический подход к архитектуре наталкивается на ряд труднопреодолимых препятствий, ввиду множественности смыслов и значений архитектурной формы и композиции. Рассмотрение архитектуры как знаковой системы, имеющей определенные формальные свойства, весьма затруднительно, т.к. доказывает подвижность, изменчивость синтаксических правил и их значений и, соответственно, невозможность моделирования архитектурного языка с точки зрения полноценной системы знакового общения.

Однако здесь необходимо указать на некоторую особенность семиотического рассмотрения архитектуры как языка в методологическом плане. М.Ю. Лотман, говоря о том, что «всякая система, служащая целям коммуникации между двумя или многими индивидами, может быть определена как язык», вряд ли руководствовался формальной логикой [1, с. 19]. За этой научной позицией стоит целый комплекс прямо не выраженных, но вполне очевидных моментов. Во-первых, язык рассматривается, прежде всего, как некая *модель* исследуемого явления (в частности архитектуры). Как некая особая его предметность, одна из многих, необходимая для системного представления объекта исследования. Во-вторых: такое предметное представление наилучшим образом отражает коммуникативный аспект исследуемого объекта. В-третьих: предметность языка напрямую связана с мышлением и сознанием человека, которое выражает себя посредством разного рода деятельности (в том числе архитектурной и в архитектуре).

Также семиотика и структурный анализ на сегодняшний день имеют свой научный инструментарий, который уже доказал свою эффективность при исследованиях во многих областях знания. При этом архитектурная семиотика небезуспешно адаптирует его к нуждам архитектурной теории. Так, из структурного анализа в архитектуроведении (и не только в нем) появилось

понятие “текст”, которое приобрело несколько расширенное значение. Текст – 1) минимальная целостная единица речевой коммуникации, любое отдельное сообщение; 2) фрагмент культуры, выраженный в любой знаковой системе, имеющий содержательную и структурную законченность (= текст культуры); 3) осмысленная последовательность знаков любой природы (букв, звуков, жестов, действий, предметов и т.д.; = семиотический текст).

Выводы. При всей убедительности и очевидности трактовки архитектуры в понятиях других дисциплин (лингвистики, семиотики и др.) нужно всегда помнить, а в методологическом исследовании это положение становится главным, что предмет знания не тождествен объекту: он является продуктом человеческой познавательной деятельности и подчинен особым закономерностям, не совпадающим с закономерностями самого объекта. Иными словами: архитектура это не язык, не текст и не знак, это наше исследовательское мышление усматривает в архитектуре некие аспекты, которые наилучшим образом отражаются и объясняются мыслительными конструкциями “язык”, “текст”, “знак” и т.д. Условность такого подхода находит свое подтверждение в высказываниях авторитета семиотики – Умберто Эко: «... семиология является наукой не только о знаковых системах как таковых, но изучает все феномены культуры, как если бы они были системами знаков...» [9, с. 133]. И, конечно же, применение вышеприведенных конструктов должно иметь свои границы и быть оправданным с точки зрения науки. В противном случае мы имеем дело исключительно с литературной метафорой к науке особого отношения не имеющей.

Литература:

1. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. - СПб., 1998. - С. 19–43.
2. Глазычев В.Л. Язык и метод художественного проектирования/В.Л. Глазычев// Декоративное искусство СССР. -1973. -№ 11. -С. 23-25.
3. Иконников А. В. Художественный язык архитектуры. - М.: Искусство, 1985. - 175 с. - Библиогр. в примеч.
4. Тиц А.А., Воробьева Е.В. Пластический язык архитектуры. – М.: Стройиздат, 1986. – 312 с. – Библиогр.: с. 305-307.
5. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма / Пер. с англ. А.В.Рябушина, М.В.Уваровой; Под ред. А.В.Рябушина, В.Л.Хайта – М.: Стройиздат, 1985. – 136 с. – Библиогр. в примеч.: с. 135-136.
6. Мардер А.П. Эстетика архитектуры: теоретические проблемы архитектурного творчества. – М.: Стройиздат, 1988. – 216 с. - Библиогр.: с. 209-214.
7. Architecture and Language. Constructing Identity in European Architecture. с.1000-с.1650 / edited by Georgia Clarke, Paul Crossley. - Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2000. – 237 p. – Bibliographi: p. 209 – 230.
8. Лессинг Г.Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. Серия: Памятники мировой эстетической и критической литературы. - М.: ХЛ, 1957 г. - 520с., илл.
9. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию / Пер. с ит. В.Г. Резник, А.Г. Погоняйло. - СПб.: Петрополис, 1998. - 432 с. - Библиогр. в подстроч. прим.

Надійшла до редакції 6.04.2010